

Глава 47. Ревность

В прошлой жизни Чу Суй почти не покидал стен своего дома. Его мир был тесен, новости доходили с огромным опозданием, а политикой он и вовсе не интересовался. То, что он помнил имя Альвина, уже было достижением, но вот двое других лидеров Союза Свободы напрочь стёрлись из памяти. Как бы юноша ни напрягал мозг, пытаясь выудить хоть какую-то зацепку, всё было тщетно. В конце концов он просто сдался.

Вернув разгулявшиеся мысли в реальность, Чу Суй, ведомый смутным чувством тревоги, внезапно спросил А-Но:

— Тот твой друг, которого мы встретили в прошлый раз... В какой армии он служит?

А-Но не сразу сообразил, о ком идёт речь — слишком резким был переход.

— Друг?

— Альвин.

Супруг бросил на него быстрый взгляд, недоумевая, с чего бы это Повелителю вдруг понадобилось наводить справки.

— Он служит в Третьей армии, — после короткой паузы ответил он.

Чу Суй ограничился коротким «ясно» и больше ни о чём не спрашивал. Выпустив А-Но из объятий, он вернулся к работе за оптическим компьютером. Занося данные в архив, он никак не мог выкинуть из головы тот последний судебный процесс. Приговор казался ему верхом несправедливости, и юноша, тщательно подбирая слова, решил прощупать почву:

— Тебе не кажется... что вердикт по этому делу... ну, слишком суров?

Он не хотел слишком явно демонстрировать своё отличие от других самцов, но, поскольку в школе его познания в изящной словесности оставляли желать лучшего, зайти издалека не получалось.

А-Но скользнул взглядом по лежащим на столе бумагам. Стоило ему увидеть два знакомых имени в начале дела, как он сразу понял, о чём идёт речь. Он положил руки на плечи Чу Суя и принялся мягко разминать их.

— Этот случай наделал много шума. Высшее командование даже собирало специальный совет, да и в сети страсти до сих пор не утихают...

Голос А-Но звучал ровно. Он стоял за спиной, и Чу Суй не мог видеть его лица. Что он чувствовал сейчас? Гнев? Сострадание? Или горечь от осознания общей участи?

Юноша вспомнил, что так и не получил ответа на свой вопрос:

— И всё же, ты считаешь приговор справедливым?

Ему отчаянно нужно было подтверждение — то ли этот мир сошёл с ума, то ли он сам.

Руки А-Но на миг замерли. Он словно хотел что-то сказать, но долгое время не мог проронить ни слова. Он не мог назвать это решение справедливым, но и объявить его несправедливостью тоже не решался. Первому мешала совесть, второму — буква закона.

Он медленно опустил веки.

— Повелитель... Такова наша участь.

Под словом «наша» он имел в виду не себя и Чу Суя, а себя и всех военных самок. Их судьба была предрешена — казалось, им изначально было суждено найти свой последний приют на поле боя.

Чу Суй внезапно вспыхнул:

— А ну, повтори, что ты сказал?

Он воззрился на А-Но, явно разгневанный. Тот внутренне сжался, по привычке ожидая кары и едва не опустившись на колени, чтобы молить о прощении, но тут юноша выпалил:

— Я же тебя целую вечность не бил!

А-Но замер, поражённый. Он вскинул голову и увидел, что Чу Суй, нахмурившись, всерьёз загибает пальцы, ведя подсчёт.

— Один день, два, три... Да я уже со счёта сбился! В общем, я тебя уже много дней и пальцем не тронул!

Действительно, он уже давно не поднимал руку на супруга. Так с чего бы ему позволить мужу закончить так же плачевно, как той несчастной Супруге из дела, которой вырвали крылья?

Этого не случится. Ни за что.

Чу Суй искренне верил, что сильно изменился в лучшую сторону. Но А-Но словно не замечал этого. Это было похоже на чувства ребёнка, который из кожи вон лез, чтобы получить высший балл за экзамен, но родители даже не взглянули на его дневник.

Он ощутил, что все старания напрасны, и заметно помрачнел.

Любой другой на месте А-Но вряд ли бы понял, что творится в голове супруга, но тот уловил суть мгновенно. Он медленно опустился на пол, припав на одно колено. В этот раз он сделал это не ради покаяния, а лишь для того, чтобы заглянуть мужу в глаза и получше рассмотреть черты его лица.

Огромный численный перевес самок predetermined несправедливость общественного устройства. Самцы в этом мире были подобны бракованным творениям божьим — заносчивые, жадные, жестокие. Они возвышались над всеми, не принося никакой пользы, кроме продолжения рода и усмирения чужого безумия своими феромонами.

А-Но никогда не ждал ничего хорошего от брака. Он давно предвидел своё будущее и, не в силах что-то изменить, просто онемел от покорности судьбе.

Если Повелитель прикажет встать на колени — он встанет. Если Повелитель захочет использовать плеть — он не окажет ни малейшего сопротивления.

Можно было сказать, что, получая феромоны самца, он обрёл шанс на жизнь. А можно было сказать, что он просто шагнул в новую могилу, ожидая смерти иного рода.

Но Чу Суй...

Его Повелитель.

Чу Суй...

А-Но медленно закрыл глаза. Прошлое вихрем пронеслось в его сознании: поля сражений, затянутые гарью, чужие планеты, усеянные телами павших... Но в итоге все его воспоминания теперь были связаны лишь с этим самцом. Когда он открыл глаза, его синий взгляд лишился привычной стужи. Теперь он напоминал спокойный и глубокий океан, в котором затаилось тепло первых весенних дней.

— Да... Вы совсем на них не похожи.

Голос А-Но был, как всегда, негромким и мягким. Он коснулся пальцами нахмуренного лба Чу Суя, не желая видеть его расстроенным, и серьёзно произнёс:

— То, что я стал вашим супругом — величайшая удача в моей жизни.

К сожалению, большинству военных самок везло куда меньше.

«Если верить твоим словам, то в прошлой жизни ты, должно быть, прогневал всех богов сразу, раз тебе достался я»

Чу Суй подумал об этом, и на душе у него всё же немного потеплело. Он небрежно зашвырнул папку с делом в дальний угол и проворчал:

— Придумали же какую-то чушь, а не приговор.

А-Но посмотрел на него:

— Вам кажется, что судьи поступили неправильно?

Чу Суй парировал:

— А ты считаешь, что правильно?

Собеседник на миг замер, но в этот раз не стал уходить от ответа. Он медленно покачал головой.

«Ну вот, я же говорил, что среди инсектоидов есть нормальные личности»

Подумал Чу Суй. Осознав, что не одинок в своих мыслях, он поднялся и потянул А-Но за собой, увлекая его к постели.

— Вот и славно.

Молодость и пыл Чу Суя брали своё, так что вечер не обошёлся без ласк. Обняв А-Но сзади, он принялся покрывать поцелуями его стройную белую шею. Внезапно на коже проступил тот самый инсектоидный узор, мерцающий призрачным золотом. Загадочный и величественный, он напоминал древний тотем, но вскоре вновь бесследно исчез.

А-Но был лишь в одной рубашке, наброшенной на плечи. Под ласками Чу Суя его взгляд подернулся дымкой, дыхание участилось. Охваченный страстью, он пытался отыскать губы мужа, но из-за неудобной позы не мог его видеть.

Он попытался повернуться, сдавленно умоляя:

— Повелитель...

Но Чу Суй не позволил ему сменить положение. Юноша пристально изучал его спину, словно выискивая что-то, пока не заметил у лопаток две едва различимые алые полосы.

— Это твои крылья? — спросил он.

Чу Суй давно слышал, что у самок есть крылья, но воочию их ещё не видел.

«Так вот почему он не давал мне повернуться — всё это время разглядывал мою спину»

Понял А-Но. От охватившего его смущения он мелко вздрогнул.

— Да... — едва слышно прошептал он.

Глаза Чу Суя азартно блеснули:

— Покажешь?

«Ну конечно...»

А-Но невольно обернулся и увидел, с каким предвкушением Чу Суй подался вперёд. Тот смотрел на него своими дерзкими глазами, не отрываясь ни на миг. У А-Но вспыхнули кончики ушей. Серебристая прядь волос упала ему на лоб, а в уголках глаз застыл лихорадочный румянец. После долгого молчания он едва заметно кивнул.

В мире инсектоидов крылья были только у самок. На поле боя они становились смертоносным оружием, способным в мгновение ока лишить врага жизни. Но сейчас крылья А-Но раскрывались медленно и плавно. Полупрозрачные, исчерченные тончайшими прожилками, они напоминали крылья стрекозы. Вблизи они переливались всеми цветами радуги, представляя собой поистине чарующее зрелище.

Поскольку А-Но не чувствовал угрозы от мужа, на ощупь крылья были мягкими и совершенно безопасными.

Чу Суй, ведомый чистым любопытством, досконально изучил их сверху донизу и даже пару раз осторожно провёл по ним ладонью. Он уже хотел что-то сказать, как вдруг заметил, что всё тело А-Но — обычно бледное и холодное — стремительно заливает густая краска. Супруг словно горел в лихорадке. Чу Суй испуганно отдернул руку:

— Тебе больно?

Он недоумевал — вроде бы не сильно и нажимал.

А-Но едва заметно качнул головой. Его глаза покраснели, а в тех местах, которых касался Чу Суй, чувства обострились до предела. Его разрывало от невыносимого, острого ощущения, название которому он не мог подобрать, и он лишь молча терпел, сцепив зубы.

Заметив это, юноша словно совершил открытие:

— Почему ты так покраснел?

Он и не догадывался, что до крыльев А-Но никогда и никто не смел дотрагиваться — даже он сам.

Видя, что любопытство мужа удовлетворено, А-Но поспешно убрал крылья, не желая продолжать этот разговор. Его синие глаза затуманились, приобретая почти порочное выражение. Он сам прильнул к губам Чу Суя, жадно забирая остатки воздуха и не давая тому возможности думать о чём-то другом.

Воля Чу Суя никогда не была его сильной стороной — он легко поддавался искушениям. Забыв о своих вопросах, он лишь на мгновение отстранился, тяжело дыша, и прошептал, уткнувшись в лоб А-Но:

— А ты смелый. Не боишься, что я возьму и отрежу твои крылья?

Он в шутку изобразил пальцами ножницы, пытаясь напугать супруга.

У самцов крыльев не было, и поговаривали, что некоторые из них, обуреваемые завистью и злобой, специально вырывали крылья у своих жен, чтобы пополнить ими свои коллекции. Чу Суй не знал, правда это или вымысел, но раз такие слухи ходили, значит, в них была доля истины.

А-Но посмотрел на него. Его серебристые волосы рассыпались по подушке.

— И вы бы смогли так поступить?

У Чу Суя не было подобных наклонностей, но он обожал капризничать и вредничать.

— А почему нет? Вдруг я захочу оставить их себе на память? — проворчал он.

А-Но упёрся руками в его плечи, пытаясь унять дрожь после недавних ласк. Его пальцы невольно запутались в чёрных волосах мужа.

— Если вам этого хочется... я готов отдать вам всё, что имею, — негромко произнёс он.

Что?

Чу Суй вздрогнул и недоверчиво уставился на него:

— Ты это серьёзно?

А-Но встретил его взгляд:

— Я готов отдать за вас свою жизнь...

Эти слова каждая военная самка произносила во время свадебного обряда. Конечно, насколько они были искренни в тот момент — вопрос спорный, но сегодня, услышав их вновь, Чу Суй ощутил нечто странное.

Он не стал больше допытываться, лишь бросил:

— Да шучу я. Не нужны мне твои крылья.

С этими словами юноша закрыл глаза, готовясь ко сну. А-Но некоторое время смотрел на него, а затем, бесшумно повернувшись в темноте, осторожно прижался к нему. Видя, что муж не возражает, он обхватил его за талию, едва касаясь руками.

Почувствовав это движение, Чу Суй в полусне обернулся, привычным жестом притянул его к себе и, поудобнее устроившись, затих.

Многие военные самки за всю жизнь не устаивались от своего Повелителя даже поцелуя, не говоря уже об объятиях. Раньше А-Но казалось, что это не имеет значения, что он в этом не нуждается, но теперь, когда он познал это тепло, он был не в силах ему сопротивляться.

Жизнь инсектоидов была слишком долгой. Большую её часть они проводили в бесконечном движении, шагая по выжженным полям сражений и усеянным телами пустошам, порой забывая, что им давно пора остановиться и просто отдохнуть.

Дни потянулись своим чередом. Чу Суй даже начал привыкать к скверной еде в штабной столовой. Не прошло и недели, как по всему зданию разнеслась весть о необычайно красивом самце-регистраторе в архивном отделе. Теперь многие воительницы то и дело специально проходили по коридору тридцать второго этажа, чтобы украдкой заглянуть в окно его

кабинета.

«Раньше по этому этажу можно было на лошади скакать — ни души не встретишь, а теперь тут не протолкнуться. Форменное безумие»

Ворчал Ко Мо.

Те, кто был поскромнее, ограничивались подглядыванием. Те же, кто посмелее, пытались навязаться в супруги — каждый день находилась парочка наглецов, пытавшихся завести с ним разговор. Регистратор всем отказывал без исключения. Хоть он и был в полном расцвете сил, но на А-Но его хватало в самый раз, а на кого-то ещё энергии уже не оставалось.

Особенно его пугали те громилы, что были на голову выше него и обладали кулачищами размером с наковальню.

В обеденный перерыв Чу Суй, как обычно, отправился в столовую. А-Но уже сидел там. Раз или два это можно было счесть за случайность, но когда это стало повторяться изо дня в день, молодой человек заподозрил неладное. С подносом в руках он направился напрямик к мужу и сел напротив.

А-Но хотел было подняться, но Чу Суй остановил его:

— Сиди уж. Вечно ты вскакиваешь, мне на это смотреть надоело.

С этими словами юноша подпёр подбородок рукой и в упор уставился на супруга, постукивая пальцами по столу, словно чего-то ожидая. Тот едва заметно улыбнулся и открыл стоящий рядом контейнер.

— Сегодня у нас десерт. Надеюсь, вам понравится.

Он каждый день приносил Чу Сую что-нибудь вкусненькое — то сладости, то фрукты. Должно быть, это были деликатесы для высшего командования, потому что угощения никогда не повторялись.

Чу Суй теперь стал менее разборчив в еде. Он отломил кусочек десерта и протянул А-Но, а затем попробовал сам.

— Недурно. Куда лучше того, что дают здесь.

Хороших слов от него было не дожидаться, но это не мешало другим самкам смотреть на А-Но с такой нескрываемой завистью, что их глаза буквально светились зелёным.

А-Но лишь тепло смотрел на него. Он хотел что-то сказать, но в этот момент кто-то окликнул его. Обернувшись, они увидели рыжеволосого офицера, который в сопровождении Фэйди направлялся к их столику. Это был Альвин, недавно вернувшийся с задания.

— Генерал-майор А-Но, а вы, я гляжу, отлично устроились.

Альвин долго искал его и, обнаружив в столовой, не удержался от ироничного замечания. Только подойдя ближе, он заметил сидящего напротив Чу Суя. На его лице отразилось искреннее изумление, но он тут же взял себя в руки и, приложив правую руку к левому плечу, склонился в поклоне:

— Господин Чу Суй, давно не виделись. Прошу прощения, что помешал вашей трапезе.

Чу Суй и представить не мог, что встретит этого «ангела смерти» за обедом. Его первым порывом было вскочить и сбежать, но потом он решил, что это отличный шанс наладить связи. Подавив желание дать деру, он заставил себя вежливо ответить:

— Ничего страшного. Если вы ещё не обедали, присаживайтесь к нам.

В его голове крутилась только одна мысль: «Надо втереться в доверие», поэтому его тон был подчёркнуто любезным.

Альвин не заподозрил подвоха. Ещё с прошлой встречи Чу Суй произвёл на него приятное впечатление. После минутного колебания он сел за стол. Если А-Но был воплощением льда, то Альвин казался самим пламенем — два абсолютных полюса.

— Что ж, воспользуюсь вашим приглашением.

Чу Суй никогда не отличался гостеприимством, так что подобное поведение было ему несвойственно. Супруг бросил на него внимательный взгляд, а затем посмотрел на гостя. В его голосе не чувствовалось никаких эмоций.

— Разве ты не сидишь на одних питательных смесях?

Намёк был прозрачен: в столовой тебе делать нечего.

Альвин лишь развёл руками и тонко улыбнулся:

— Вы ведь тоже здесь.

Фэйди, стоявший неподалёку, переводил взгляд с Чу Суя на Альвина и обратно на А-Но. Ему

казалось, что хоть генерал-майор и сохраняет ледяное спокойствие, настроение у него из рук вон плохое.

Фэйди поспешил ретироваться. В конце концов, это он привёл Альвина, и ему совсем не хотелось попасть под горячую руку начальства.

В отличие от сдержанного А-Но, Альвин чувствовал себя как рыба в воде. Он легко поддерживал беседу, не давая ей затухнуть.

— Недавно я выполнял приказ по зачистке монстров на планете Касло. Не думал, что по возвращении застану вас, господин Чу Суй, на службе в штабе. Вы весьма деятельны для своих лет.

Старые страхи не так-то просто было преодолеть. Глядя на непринуждённо болтающего Альвина, Чу Суй невольно вспоминал, как в прошлой жизни тот без тени сомнения вышиб мозги одному самцу. Его до сих пор пробирала дрожь, и он держался только на голом инстинкте самосохранения.

— Мне далеко до ваших подвигов на передовой. Вы — истинный герой Империи.

Альвин был загадкой. Он улыбался, но улыбка никогда не касалась его глаз. И если присмотреться, в нём не было ни капли того священного трепета перед самцами, что испытывали другие.

— Благодарю за добрые слова. Надеюсь, скоро получу чин генерал-лейтенанта.

Он был одним из лидеров Союза Свободы. Чем выше чин, тем больше власти, а значит, тем легче будет однажды сокрушить систему. К тому же, он был ровесником А-Но, а уже метил в генерал-лейтенанты. Вот кто был по-настоящему деятелен.

«Паршивые новости»

Подумал Чу Суй. Он вяло поддерживал разговор, совершенно не замечая, что А-Но всё это время хранит молчание. Когда обед подошёл к концу, оптический компьютер на запястье Альвина внезапно мигнул красным. Похоже, случилось что-то срочное. Он незаметно прикрыл его рукавом и, поднявшись, улыбнулся:

— Прошу прощения, срочные дела в полку. Вынужден вас покинуть.

Затем он повернулся к А-Но:

— По тому делу, о котором мы говорили, есть подвижки. Скину все подробности на твой

аккаунт.

С этими словами он ушёл.

Проводив его взглядом, Чу Суй жадно припал к стакану с водой. По спине стекал холодный пот. «Ну и работка... Ещё пара таких встреч, и я лет десять жизни потеряю», — подумал он.

Он поднялся из-за стола и бросил А-Но:

— Пошли.

Тот бросил на него странный взгляд, но ничего не сказал, молча следуя за мужем. Чу Суй был раздосадован тем, что так ничего и не узнал, и решил прощупать почву:

— А у Альвина есть кто-то, с кем он особенно близок?

А-Но посмотрел на него. В его синих глазах на миг промелькнула какая-то тень. Он поколебался, прежде чем спросить:

— Вы хотите узнать, нет ли у него на примете какого-нибудь самца?

«На примете самец? С чего бы это?»

Чу Суй остановился и обернулся. А-Но, как всегда, следовал за ним на почтительном расстоянии, опустив голову. Заметив, что муж замер, он тоже остановился, ни о чём не спрашивая.

Юноше стало любопытно. Он вскинул бровь:

— И почему ты об этом спрашиваешь?

Голос А-Но был бесстрастным:

— Мне показалось, что генерал-майор Альвин вам очень симпатичен.

Военные самки всегда жаждали внимания и милости своего Повелителя, боясь того дня, когда молодость увянет и их место займут другие. Видя необычный интерес Чу Суя к Альвину, А-Но пришёл к единственно верному, на его взгляд, выводу: он наскучил мужу.

Интеллект Чу Суя в кои-то веки сработал как надо. Он пристально оглядел супруга и с

нескрываемым удивлением произнёс:

— Ты что... ревнуешь?

А-Но едва заметно вздрогнул.

— Не смею.

Ревность считалась для Супруги смертным грехом.

«Ну и сказал бы прямо, чего ломаться-то? Я же не разозлюсь»

Подумал Чу Суй. Он ещё долго разглядывал А-Но со всех сторон, пока не насытил своё любопытство, и только потом отрезал:

— Он мне не нравится.

В самом деле, если он приведёт Альвина в дом, тот его пришьёт при первой же возможности.

А-Но невольно взглянул на него. Увидев, что Чу Суй не шутит, он незаметно разжал кулаки, плотно сцепленные за спиной.

— Прошу прощения, я ошибся на ваш счёт.

Был обеденный перерыв, и в коридоре почти никого не было. Чу Суй намеренно сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию:

— Ошибся, значит. И что теперь?

В его тёмных глазах плясали смешинки. Он был полон самодовольства и дерзости. Встретив этот взгляд, А-Но почувствовал, как сердце пропустило удар. Его пальцы снова судорожно сжались. Он не знал, что ответить.

— Мне очень жаль...

Чу Суй вскинул бровь, ничуть не тронутый его извинениями:

— Если бы одними извинениями можно было всё исправить, полиция была бы не нужна.

Его отец всегда говаривал, что жену надо выбирать скромную и домовитую. Хоть ему и достался супруг, но в плане домовитости он мог дать фору любой женщине. А главное — на него было приятно смотреть. Чу Суй засмотрелся на губы А-Но — на фоне бледной кожи они казались налитыми кровью. В груди словно пёрышком провели, стало невыносимо жарко. Не в силах более сдерживать свой порыв, он просто прижал А-Но к стене и, подавшись вперёд, поцеловал его.

— М-м...

Тот вздрогнул от неожиданности. Он и представить не мог, что Чу Суй осмелится на такое среди бела дня. Но, убедившись, что коридор пуст и они надёжно скрыты в тени, он немного расслабился.

Чу Суй был искушён в поцелуях, и вскоре А-Но окончательно потерял голову. Его длинные ресницы дрожали, когда он робко отвечал мужу. Но страх быть замеченными не оставлял его, и он хрипло прошептал:

— Повелитель...

Юноша лишь слегка прикусил его губу и неопределённо хмыкнул, не спеша отстраняться. Он молча изучал лицо А-Но, скользя взглядом по его тонким бровям и прямой переносице. Проведя пальцем по его припухшей нижней губе, он вдруг ляпнул:

— Этот Альвин мне нравится куда меньше, чем ты.

Что поделаешь, как ни крути, а во всей империи только А-Но и был ему по душе.

Грудь А-Но тяжело вздымалась. Услышав это, он непроизвольно крепче обхватил Чу Суя за талию, но вскоре заставил себя разжать руки. Запечатлев на губах мужа лёгкий, прохладный поцелуй, он тихо произнёс:

— Спасибо... за вашу милость.

Чу Суй сощурился, глядя на него:

— Ну что, теперь ты доволен?

А-Но замер, не зная, что ответить. Признаться в радости означало подтвердить свою ревность. Но если промолчать, Чу Суй мог и вправду переключить внимание на Альвина.

К счастью, юноша не стал его донимать. Спросил — и ладно.

— Пошли.

А-Но поправил одежду и последовал за ним. Помолчав немного, он вдруг негромко окликнул мужа:

— Повелитель...

Чу Суй не расслышал:

— А?

А-Но посмотрел на него своими синими глазами, в которых на миг промелькнуло нечто почти детское:

— В следующем месяце в штабе будет церемония награждения. Я тоже получу чин генерал-лейтенанта.

<http://bllate.org/book/15807/1437602>